

О ТАЙНАХ МИРОЗДАНИЯ

Рассказы

ОБ ОКТЯБРЬСКОМ

Утром холодно и солнечно.

Дворничиха шаркает метлой и в ритме шарканья, маршеобразно, но проникновенно поет про пару гнедых, запряженных с зарею.

На балкон третьего этажа выходит женщина с чашкой кофе и сигаретой, смотрит на дворничиху и думает: «Отчего так устроена жизнь: двое детей, ни одного мужа в анамнезе, синяк под глазом, — и поет. А тут МВА, должность, дочка в английской школе, и муж, и Анатолий, а не то что петь, жить по утрам не хочется».

Гасит сигарету в привезенной из Таиланда пепельнице, возвращается в квартиру, по пути рявкнув на нектати подвернувшегося под ноги кота Спенсера, многократного призера и победителя фелинологических выставок.

— Грек из Одессы, еврей из Варшавы, юный корнет и седой генерал... — поет дворничиха, сгребая листья.

Бабулька Тимофеева из первого подъезда, выползшая ни свет ни заря за хлебом и творогом, — оно-то и рано, но надо ж себе дело найти, — прислушивается и вдруг вспоминает 1948 год и не дававшего ей прохода хулигана Витю Фишмана из мужской школы, что на Советской улице; и где теперь тот Витя Фишман, и где она сама, та, в синем ситцевом платье с белым воротничком, с толстыми косами и румянцем.

— И только кнут вас порою ласкает, пара гнедых, пара гнедых! — с чувством допевает дворничиха и идет выкатывать мусорные контейнеры, на ходу меняя репертуар. Из подсобки доносится лязг, грохот и задумчивое: — Давно ли роскошно ты розой цвела, но жизни непрочной минула весна!

Дверь подъезда распаивается, и на крыльцо вылетает мальчик лет пяти, жмурится на солнце, потом видит куст с голыми ветками, на котором скандалят штук двадцать что-то не поделивших синиц, и кричит вышедшему следом мужчине:

— Папа, папа, смотри! Куст расцвел! Синицами! И тетя поет! Уже весна, папа?!..

О ПОИСКАХ ВЫХОДА

Лет десять назад жильцы собрали деньги, поставили в подъезде железную дверь и вздохнули с облегчением. Пропойцы, тусовавшиеся у соседнего гастронома, были сильно недовольны, называли жильцов жлобами и совсем уж непечатно, потому как неторопливая беседа о том, что некуда человеку пойти, хороша в тепле и относительном уюте, а под дождем и снегом, посреди нашего недружелюбного климата какие беседы — так, тянули и разползлись.

Дверь, в целях экономии заказанная не в дверной фирме, а левым образом на оборонном заводе, была изготовлена из стратегического металла и могла выдержать прямое попадание бронебойного оперенного снаряда «Надежда ЗБМ-27». У кого-то на заводе разбушевалась техническая мысль, так что электромагнитный замок был не абы какой электромагнитный замок, а дополненный сверхпрочными ригелями. Снести эту дверь можно было только в комплекте со стеной.

В одно октябрьское утро замок заело. На улице остались два бегуна трусцой и пять собачников, а внутри практически весь подъезд, все девять этажей.

Кто-то памятный вспомнил, что для таких вот пожарных случаев должен быть ключ. Даже два. Разбудили ответственных ключехранителей. Одни сказали, что давненько им ключ на глаза не попадался, но они вот сейчас позавтракают и начнут искать, а недовольная дама с пятого этажа

сообщила, что переехала только этой весной, что прежние хозяева никаких ключей ей не оставляли, и вообще, сколько можно — то ночью над головой половецкие пляски, то в семь утра будят, Сталина на вас нет.

Вызвали МЧС. Приехавшие специалисты уважительно постучали по двери и надолго зависли в споре на предмет, возьмет болгарка или не возьмет.

Давление нарастало, изнутри народ рвался на волю, а снаружи скулили замерзшие бегуны и голодные собаки.

— Пока мы тут будем дверь курочить, — и учтите, фиг вы ее восстановите! — так вот, пока давайте через первый этаж, — сказали эмчезники.

Бабка из однокомнатной наотрез отказалась впускать в свою квартиру, соседи ее были в отъезде, так что сунулись в четырехкомнатную.

Хозяйка четырехкомнатной не обрадовалась, но чаяния народа поняла, велела только ноги хорошо вытирать и не шуметь, а то муж спит.

К лоджии приставили лестницу, и народ пошел.

Рассказал эту историю мой приятель, тот самый муж.

— Сплю себе, холодком потянуло, ну, думаю, чтоб вам всем пусто было с вашими проветриваниями, отопление не включили, а она знай себе проветривает. Выхожу из спальни в трусах — а по гостиной мужик идет в шляпе, с портфелем, поздоровался — и шмыг в дверь. Ничего себе, думаю, какая интересная жизнь у моей жены. Только рот открыл, тут из прихожей тетка из семидесятой квартиры, ой, говорит, что ж это вы спите и спите, день на дворе — и в лоджию, и нету ее. Тут из лоджии двое, врачиха с фельдшером. Она мне: тридцатая квартира на каком этаже, на седьмом? И в прихожую. А из прихожей красotka эта, что над нами, глянула этак свысока, даже здасьте не сказала, вы б хоть оделись, мужчина, говорит, — и туда же, в лоджию. Все, думаю, к психиатру, срочно. Слава богу, жена из кухни вышла, объяснила; еще пара прохожих — и капец, галлюцинаторно-бредовое состояние, до смерти сидеть на галоперидоле. Всякого повидал, но чтоб так страшно стало — в первый раз.

О ТАЙНАХ МИРОЗДАНИЯ

Одна женщина, по фамилии Константинова, изумительно готовила. Она готовила так, что соседи тянулись носами к вытяжке, в окно колотились обезумевшие голуби, а пролетавшие на небольшой высоте самолеты сбивались с курса и долго кружили надо домом, печально подвывая двигателями.

Запеченные бараньи ноги и двухсотпятидесятишестислойные наполеоны. Нежнейшие волованчики и петух в красном вине. Поскольку дело движется к обеду, далее перечислять не буду, дабы не захлебнуться слюной.

Муж Константиновой ушел к библиотекарше Лиде. Второй год питается сосисками и магазинными пельменями, нажил полгастрита — и счастлив.

А один мужчина, фамилию не скажу, несколько лет терпел свой скоропостижный брак, но с каждым днем ему все больше хотелось чего-то радостного. Проходя мимо подъезда Константиновой, он чувствовал, как сладостно, в унисон трепещут сердце и желудок.

В конце концов мужчина, подгоняемый организмом, познакомился с Константиновой и женился на ней. Теперь живет весь в запеченных бараньих ногах и волованчиках, и уже заработал себе полгастрита вследствие чрезмерного потребления пищи. Но счастлив.

И если учесть то обстоятельство, что упомянутый мужчина был прежде женат на библиотекарше Лиде, то поневоле задумаешься о существовании в природе круговорота мужей и гастритов.

ОБ АФЕЛЕ

Мой брат выловил это несчастье из пруда.

Оно уже почти не булькало: связанные шпагатом лапы продолжительному плаванию не способствуют.

Бабушка, котов не жаловавшая, открыла было рот, чтоб припечатать, — мол, иди и положи, где взял. Но глянула еще раз и задумчиво сказала:

— Может, Кравчихиных рук дело?

Прошлым летом Кравчиху застукали за обиранием нашей смородины. Женщина, которая втихаря обирает соседскую смородину, способна на все — от разжигания третьей мировой войны до утопления котов в чужом пруду.

Несчастье крупно дрожало в луже натекшей с него воды, мокрое насквозь, в тине какой-то, с прицепившейся к тощему хвосту водорослью.

— Офелия, тебе довольно влаги! — сказал начитанный брат. — Оставим Офелию, да, бабушка? А то Кравчиха точно утопит.

При стирке выяснилось, что это уж никак не Офелия. Ну а где Офелий, там и до Афели рукой подать.

За пару недель Афеля отъелся, распушился, обнаглел и воцарился. Умел нацепить на морду свою бандитскую выражение «я-несчастный-и-давно-не-кормленный-котенок», так что любая шкода сходилась ему с лап.

По вечерам брат или дед читали вслух, а мы с бабушкой слушали. И Афеля слушал. Я была убеждена, что он все понимает. Сидит рядом, смотрит, даже не муркает, переживает за бедную госпожу Бонасье.

Но ленив был чрезвычайно. В сарае как-то завелись крысы, и бабушка, боявшаяся их до обморока, выставила Афеля на охоту. Мы с братом видели этот цирк. Афеля забирался на полку с дедовыми инструментами и ждал, когда крыса вынырнет из ниоткуда и пройдет точно под полкой. Вздыхал и падал на нее. Не прыгал, а именно падал. Но — мимо. Крыса не спеша удалялась, ехидно хихикая и показывая хвостом неприличные жесты. Правда, потом приволок крысу. Положил на крыльцо, гордо уселся рядом. Дня три приносил по крысе. Бабушка нахвалиться не могла. Пока братец мой не заметил, что добыча с каждым днем теряет товарный вид. И что вообще-то это одна и та же крыса. Пришлось отобрать и закопать.

А потом он заболел. Перестал ходить с дедом на рыбалку, есть почти перестал. Лежал на своем половичке на кухне.

В то время в нашем городке никому и в голову не приходило лечить котов. Но бабушка обманом заманила к нам фельдшерицу Тамилу с Пионерской улицы.

— Знала бы, что вы меня к коту зовете, ни за что б не пошла, что это вы, Евдокия Лукинична, удумали — докторов котам звать!

Но осмотрела и сказала — не жилец.

Мы с братом убирали за ним, кормить пытались: макаешь палец в сметану, а он облизывает. Через пару дней только воду слизывал. Лежал и смотрел. И все.

Вечером — я помню, конец осени, уже подмораживало — он пропал. Перевернули весь дом, обыскали сад — нету.

Кто-то из взрослых обронил, что коты так и уходят — умирать. Я ревела неделю без перерыва. Брат сказал, что ничего не умирать, а искать специальную котиную траву, пожуют и выздоравливают, а не вернулся к нам, потому что трава такая — выздоравливаешь, но все забываешь. Я ползими караулила, что там на дворе у Кравчихи, вдруг Афеля так все позабудет, что придет к ведьме. А потом и я забыла.

Память о прошлом не непрерывна. Не фильм, а обрывки пленки, не всегда получается склеить. Но иногда всплывают потерявшиеся картинки. И я вижу, вижу свою бабушку, в длинной ночной рубашке, в наброшенном на плечи дедовом кожухе; вот она идет со свечой по темному ночному саду, зовет, я стою на крыльце и изо всех сил верю, что на очередной зов Афеля спрыгнет с нижней ветки старой яблони или выберется из кустов сирени. И все будет как раньше.

Как тогда.

Когда мне было пять лет, и смерти не существовало.

О РАЗУМНОСТИ БЫТОВЫХ ПРИБОРОВ

Одна женщина наорала на телевизор.

Пришла домой в поганом настроении — и наорала.

Стиральной машине тоже влетело. Но стиралка отнеслась индифферентно, а телевизор запомнил. И назло хозяйке скатился с реалистической платформы в махровый импрессионизм. Вместо страданий земной провинциальной сиротки показывал сцены из жизни пандорианцев — по экрану бродили расплывчатые, двоящиеся синие персонажи, возможно, с хвостами. Хотя разговаривали на русском и о знакомом, сиротском.

Поработав пару дней в инопланетном режиме, телевизор издевательски пукнул, и душа его собралась отлететь в край вечных скандалов, интриг и расследований.

Вызванный мастер сказал:

— Лучше б вы его выкинули, вон, панель себе купите.

Панели эти женщина видала — у племянника такая висела, на полстены, похожая на черную дыру, этаким ход в недружелюбную вселенную. Ужас. А если вспомнить, сколько стоит — ужас вдвойне.